

Недавно впервые полностью изданный в России комментарий Владимира Набокова к "Евгению Онегину" как будто специально оказался приурочен к 100-летию со дня рождения его автора и 200-летию юбилею А. С. Пушкина.

ко примеров набоковских толкований хрестоматийных пушкинских строк.

"Мой дядя самых честных правил..." Начало, с точки зрения переводчика, не самое благодатное, замечает Набоков и предлагает задержать внимание на некоторых фактах. В лагере литературных новаторов в 1823 году (время начала работы Пушкина над "Онегиным") Пушкин сопер-

брюк, то это были синие панталоны со штрипками поверх лакированных escarpins (лодочек). Шейный платок мог завязываться тридцатью двумя различными способами". Весьма кстати, Набоков обстоятельно доказывает, что вторым (наряду с Онегиным) героем романа был сам Александр Сергеевич. Комментируя строфу XLV ("Условий света свергнув бремя...") первой главы, Набоков замечает: "В нем мы видим двадцатичетырехлетнего героя глазами двадцатичетырехлетнего автора. Это не просто сжатое описание онегинского характера. Это еще и точка соприкосновения Онегина со вто-

тябрьской революцией, когда власть взяли в свои руки мужчины-реалисты в тяжелых сапогах. В советской литературе образ Татьяны был вытеснен образом ее младшей сестры, ставшей теперь полногрудой, бойкой и краснощекой девицей. Ольга — это правильная девушка советской беллетристики..."

К этому ироническому пассажу, весьма точно отражающему реалии

ва поражают воображение. В 1962 году он выпустил (опять-таки на английском) роман "Бледное пламя", представляющий собой поэму ровно в 999 строк, написанную якобы одним автором и прокомментированную другим, причем все это объединено ироническим и детективным сюжетом.

Смещение временных пластов (как в романе "Ада"), неожиданные "ходы" банальных сюжетов, "собственные" сочинения героев романов, представляющие пародийно осмысленные сюжеты и насыщенные парадоксальными мыслями, — таков далеко не полный перечень приемов, которыми свободно и прихотливо пользуется Набоков. Федор Годунов-Чердынцев, герой романа "Дар" (1937), написал книгу о Чернышевском, трактуя деятельность революционера-демократа весьма уничижительно, вследствие чего эмигрантский журнал "Современные записки", печатавший на своих страницах "Дар", отказался публиковать эту главу.

Не приемля никаких идеологических догматов, Набоков не без лукавства заявлял: "Зачем я вообще пишу? Чтобы получать удовольствие, чтобы преодолевать трудности. Я не преследую при этом никаких социальных целей, не внушаю ника-

ких моральных уроков... Я просто люблю сочинять загадки и сопровождать их изящными решениями".

Критические стрелы, может быть, и долетали до Набокова, скончавшегося в 1977 году, но едва ли трогали сердце писателя. Больше его волновало другое. "А в библиотеке можно взять мои книги?" — спросил Владимир Владимирович у посетившей его в Швейцарии Беллы Ахмадулиной. Как, должно быть, горько было ему услышать отрицательный ответ!

Теперь на родине писателя издаю, кажется, почти все им написанное — как всегда, с опозданием.

Юрий КРОХИН.

Онегин по Набокову?

Рос. газета. - 1999. - 23 апр. - с. 31

Есть в этом совпадении дат и имен глубокий смысл. Даже если бы литературное наследие Владимира Набокова исчерпывалось переводом бессмертного романа в стихах на английский и тысяче-страничным комментарием к нему, человеку должно было бы низко поклониться русскому писателю...

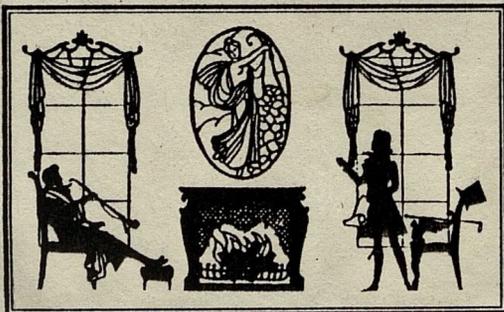
"В 1964 году вышел его комментарий к "Евгению Онегину" (и его перевод), — писала Нина Берберова, — и оказалось, что не с чем их срав-

нить. Похожего в мировой литературе нет и не было, нет стандартов, которые помогли бы судить об этой работе. Набоков сам придумал свой метод и сам осуществил его..." Владимир Набоков, в совершенстве владевший русским и английским языками (знал он и французский, и немецкий, но хуже), посвятил годы переводам русской поэзии и прозы на английский, сделав достоянием англоязычного читателя "Слово о полку Игореве", стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, "Героя нашего времени". Но главным его свершением стал "Евгений Онегин" вместе с подробнейшим комментарием (также на английском языке), опубликованный в Нью-Йорке.

"Кабинетный подвиг", как назвал Владимир Владимирович свой уникальный исследовательский труд, растянулся на 15 лет.

Чтобы не быть голословным восхвалителем, приведу лишь несколь-

ников не имел, но в лагере архаистов году в 1820 по крайней мере один соперник у него был: великий баснописец Иван Крылов. Началь-

ная строка "Евгения Онегина" является отзвуком стиха басни Крылова "Осел и мужик", написанной в 1818 г. "Осел был самых честных правил..."

Не правда ли, занятно? В XXVI строфе Пушкин отказывается описать наряд Онегина, ссылаясь на то, что слов "панталоны, фрак, жилет" нет на русском языке. Набоков пишет: "Думаю, что на этот бал (зимой 1819 г.) Онегин отправлялся не в простом черном фраке, но (следует, скорее, лондонской, нежели парижской моде) в небесно-голубом, плотно облегающем бедра сюртуке с медными пуговицами и бархатным воротником, под которым был очень узкий белый жилет. Из правого переднего кармана брюк у него почти наверняка свисала цепочка с брелком — от брегета; что касается

рым главным героем — Пушкиным, чей образ с самого начала постепенно выстраивался из отступлений или кратких реплик... Теперь поэт встречается со своим героем на равных и перед тем как отмахиваться от него показывает то, что их роднит..."

Но Набокову интересны не только смысловые особенности "Онегина", но и стилистические, фонетические.

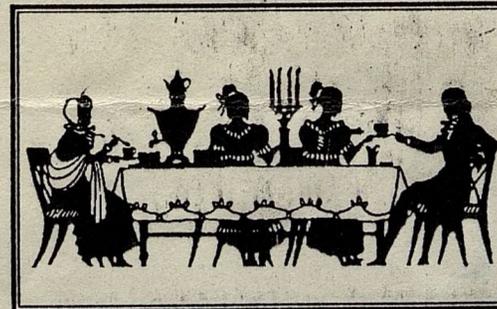
"Я стал взирать его очами, /С его печальными речами/ Мои слова звучали в лад". — великолепная четырехкратная аллитерация на ча-, которая у Пушкина столь часто украшает строки, проникнутые наиболее пронзительным чувством", — отмечает комментатор, и мы впервые, наверное, вдруг понимаем секрет волшебства пушкинской речи.

О героине романа Набоков сообщает следующее.

"Вместо имени Татьяна Пушкин пробовал для своей героини имя Наташа. Было это за пять лет до его первой встречи с будущей женой Натальей Гончаровой. "Наташа" по сравнению с "Татьяной" имеет значительно меньше возможностей рифмовки... Татьяна как "тип" (любимое словечко русской критики) стала матерью и бабушкой бесчисленных женских персонажей в произведениях русских писателей — от Тургенева до Чехова. Литературная эволюция превратила русскую Элоизу в «национальный тип» русской женщины, пылкой и чистой, мечтательной и простодушной, стойкого друга и героической жены... Татьяна исчезла из русской литературы и из русской жизни перед самой Ок-

нашей литературы, нечего добавить. Можно только заметить, что грандиозный набоковский комментарий расширит и обогатит представления о "Евгении Онегине" и шире — о Пушкине и русской словесности — читателя любого уровня — от серьезного литературоведа до постигающего азы школьника..."

Упомянув капитальнейший труд Набокова, нельзя не сказать о других произведениях писателя. Его перу принадлежат восемь романов на русском языке, шесть на англий-

ском, с десяток пьес, множество стихотворений, рассказов, критических и литературоведческих работ, шахматных задач, статей по энтомологии.

Сам писатель предупреждал, что чтение его вещей — хитроумная игра, доступная лишь опытному разгадчику. Мировую известность ему принес написанный по-английски роман "Лолита" (1955), который в Соединенных Штатах сочли порнографическим и не хотели печатать. Позже, изданный во Франции, он стал бестселлером и дал возможность писателю целиком посвятить себя творчеству.

Литературные "фокусы" Набо-

